

Твоя смерть. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

Твоя смерть. Марина Ивановна Цветаева

Каждая смерть, даже из самого ряда выхождения выходящая, – о твоей говорю, Райнер, неизменно оказывается в ряду других смертей, между последней до и первой после.

Никто никогда не стоял над гробом без примысла: “Над кем последним так стоял, над кем первым встану?” Таким путем создается между твоими умершими, личными умершими, известная связь, существующая только в данном сознании, в каждом данном разная. Так, в моем сознании ты предстал Неведомому между А и В, в сознании другого, тебя потерявшего, между С и D и т. д. Сумма наших осознаний и есть твое окружение.

Теперь о роде этой связи. В худшем, в частом случае, связь внешняя, местная, порядковая, чтобы все сказать – житейская, чтобы еще все сказать – кладбищенская, по случайности соседства номеров и могил. Связь бессмысленная, посему не связь.

Пример. Между X и Y при жизни не было никакой. Нет и в смерти, если не считать самой смерти, как тогда – жизни. Для породнения и того и другого мало. Такой гроб из нашего могильного ряда выпадет, ряд сомкнется на двух, значащих для нас могилах. Таким отбором и создается ряд наших смертей и наша смерть. Только об этих, и слагающих нашу собственную смерть, смертях и буду говорить, говоря о связи.

Каждая смерть возвращает нас в каждую. Каждый умерший возвращает нам всех до него и нас – им. Не умирали бы последующие, мы бы, рано или поздно, забыли первых. Так от гроба к гробу – круговая порука нашей верности мертвым. Некое посмертное сосуществование в памяти: ряде своих могил. Ибо все наши умершие, лежи они в Москве, на Новодевичьем, или в Тунисе, или еще где, для нас, для каждого из нас, лежат на одном кладбище – в нас, со временем в одной братской могиле. Нашей. Многие в одной и один во многих похоронен. Там, где сходятся твоя первая могила и последняя – на твоём собственном камне, – ряд смыкается в круг. Не только земля (жизнь), но и смерть круга.

Через наши уста, целующие, роднятся, подаются друг другу руки, целуемые. Через их руки, целуемые, роднятся, тянутся друг к другу уста, целующие. Круговая порука бессмертия.

Так, Райнер, ты породнил меня со всеми, тебя потерявшими, как я, в ответ породнила тебя со всеми, когда-либо мною потерянными, и ближе всех – с двумя.

Как по волнам несет нас смерть по холмам могил – в Жизнь.

* * *

Твоя смерть, Райнер, в моей жизни растроилась, расслоилась на три. Одна твою во мне готовила, другая заключала. Одна предзвучие, другая позвучие. Несколько отступив во времени – трезвучие. Твоя смерть, Райнер, – говорю уже из будущего – дана была мне, как триединство.

Mademoiselle Jeanne Robert[1]
– Ну, Аля, как было у француженки?

– Мама! Чудно! А самое чудное, что мы пришли, потому что если бы мы не пришли, было бы из всех детей только двое, две девочки – одна взрослая, а другая азбучная. И она бы даром готовилась и готовила. А Вы знаете – я так была удивлена – у нее чудная квартира: лестница мраморная, в коврах, с полированными перилами, с медными звонками какими-то... По такой лестнице и ходить приятно, но, конечно, не ей, потому что седьмой французский этаж, а ей, наверное, уже семьдесят.

Внутри чудно: картины, зеркала, и на каминах, всюду – воспоминания: плетеные, вязаные, всякие, и все с надписями. От учеников и учениц. А книг, мама! Целые стены! И все больше о Роланде, Quatre fils d'Aymor[2] – такие. А самое чудное: два рояля, в одной комнате. Именно потому, что она такая бедная – чудно. Потому

Твоя смерть. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
что если бы у богатого, ясно. Просто всего помногу: салфеток, ножей... Вот взял и купил себе сразу два рояля, и еще два куплю. А у мадмуазель совершенно непонятно. И совершенно ясно: от любви. (Мама, у меня сейчас странная мысль: а вдруг она по ночам вырастает в огромную, и одна, без всякого труда, на двух роялях? Одна – на двух роялях – в четыре руки?)

И страшный холод. Два камина горят, а точно на улице.

– Ты расскажи все по порядку. С самого начала, как только пришли.

– Как только пришли, нас с Леликом сразу засадили за огромную старинную книгу о Париже. Потом начались звонки и стали прибывать разные прежние ученицы в меховых шубах, от семнадцати до сорока лет. И некоторые матери. У мадмуазель был вид встревоженный, и она все время бегала с чашками на кухню, и я ей немножко помогала. Да! мама, как чудно, что я все-таки не обменяла той коробки – помните. Вы говорили: важны конфеты, а не коробка. Нет, мама, и коробка важна – на Рождество. Конфеты в коробке – подарок, просто-конфеты – просто конфеты. И коробка всегда же останется – для писем, ленточек, всякого. Она так обрадовалась и уж хотела было ее подавать, но я упростила оставить на дорогу, потому что она завтра едет в деревню к сестрам. А Лелик ей привез апельсины и яблоки, причем тщательно в лавке пытался ей купить сюжеток. Он говорил, что на десять франков выйдет очень много. Но его мама не позволила. Апельсины она подала, а яблоки оставила – тоже сестрам, наверное. Вот и поедет с подарками.

Мама, она, наверное, очень бедная, еще беднее, чем мы думали, наверное, все уходит на квартиру и на сестер, – потому что кроме пти-беров из угощения ничего не было. И какао и чай на выбор. Ей помогала какая-то молодая кузина, тоже в меховом. А сама она была в своем вечном черном, с той же бархаткой на шее, а на бархатке иконка с Жанной д'Арк, серебряная – знаете? Она, наверное, как Вы, считает, что неудобно хозяйке быть нарядной, раз ее дом, а может быть, ничего другого и нету, я, по крайней мере, никогда ничего кроме того черного на ней...

– Ну, а потом как было?

– Потом к нам присоединилось какое-то толстое существо, которое я, было, приняла за девочку, но девочка оказалась с напудренным лицом и накрашенными губами, и я уже не знала, что думать. На всякий случай, мы решили его (существо) развлечь игрой в мнения и развлекли так, что через пять минут оно исчезло, наверное, потому, что маленькая девочка – азбучная – один раз сказала про нее: *bouïe de graïsse*, а другой: *bouïe de viande*[3] – да и мы не отставали. А потом сделалось темно и мадмуазель нам показала Эйфелеву башню, такую же далекую или близкую, как от нас. Как всегда отовсюду.

Мама, мне страшно хотелось есть, но я удерживалась и съела всего один пти-бер. И Лелик один. А та маленькая девочка – все остальные.

Потом мы стали собираться домой, но мадмуазель ни за что не пускала, потому что еще не танцевали. Мы с Леликом думали, что будем смотреть, но оказалось, что сами должны танцевать.

– Как же ты танцевала?

– А так, как мне показывали. Мадмуазель очень хорошо танцует, очень легко, но, конечно, те танцы, прежние. А Лелик, увидев, что танцуют не венгерку, насупился и объявил, что у него кружится голова. Но она с ним все-таки протанцевала. Она со всеми танцевала и страшно устала. Да! самое главное. Над диваном, в гостиной, она – молодая. Она лежит в траве и читает книгу, а рядом с ней яблоки. В розовом платье, оборчатом, – очень хорошенькая. И тоже худая, только сейчас от старости, а тогда от молодости. И нос вырос. – Это ее сестра писала – не та, сумасшедшая, а другая – тронутая, которая не любит, чтобы сор выносили из комнаты. Сметет и бережет. Но картина чудная.

– Как прощались?

– О, хорошо, подробно. И целовались, и я благодарила, и она. Вашей книжке очень обрадовалась, но мне кажется, она не разглядела надписи – что это ей, просто думала, почитать. А зато, когда завтра в вагоне увидит, еще больше обрадуется. На прощанье еще раз пригласила ее на нашу елку, и она сказала, что непременно

Твоя смерть. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
придет. Что же мы ей подарим – перчатки или бумагу?

* * *

Перчатки или бумагу? А денег, как на грех, не было, как всегда – на всегдашний!
– на последний подарок.

А может быть, записную книжку? Есть совсем дешевые. А может быть, – так не хочется и не может сейчас, в последнюю предъелочную минуту, идти, – ничего? Просто – позвали на елку. Где же, вообще, дарят? Ведь это только детям дарят... По грубости самоуговоров и заемности доводов – ясно: подарок нужен. Только вот: перчатки или бумагу?

Перчатки, оказалось, были уже куплены матерью мальчика: “теплые, прочные, а то у нее, бедной, совсем рваные. После того, как я у нее побывала – в этом холоде – мне все время хочется для нее чего-нибудь теплого. Авось, не обидится”. (От русских – обида! Все равно, что нищий подал.)

Наличие перчаток установило бумагу. “От пяти до шести франков, не дороже семи-восьми, в крайнем случае десять, что-нибудь неяркое, для пожилой дамы”...

(“Пожилой” – когда вот-вот рассыпется, и “дамы”, когда – Mlle Jeanne Robert!)

Très distingué – parfaitement distingué – tout ce qu'il y a de plus distingué – on ne peut plus distingué... (6 frs... 9 frs cinquante... 12 frs cinquante... 18 frs.)[4]

Коробки, с легким картонным громом, громоздятся. Одно – видно, другое – скучно, третье – нудно, четвертое – дорого, пятое – дорого, шестое – дорого. И, как всегда, с возгласом: “Ah, il y en a encore une que j'oublie”[5] – последняя – та самая. (Как бы проверка точности нашего вкуса, легкий искуc его – приказчиком...)

Голубая. Полотняная. С голубыми же цветочками на крышке, до того простыми, что не смешными. Без зубцов и якобы английской шероховатости краев... Много. Сходно.

– Rien de plus pratique et de plus distingué. Et pas cher du tout, Madame, quarante feuilles et quarante enveloppes. Un bon cas de profiter[6].

Дома, еще в дверях:

– Аля! Есть подарок мадмуазель.

* * *

А Mademoiselle Jeanne Robert pour notre Noël russe – Ariane[7] – не магазинная, ибо не безымянная уже, коробка лежит под елкой, рядом с розовым свертком – d'Olegue (от Лелика). Скоро елка, скоро мадмуазель. Она была в России, но с тех пор (пятьдесят лет назад) была ли на русской елке? Кстати, озабоченные достачей елки – в последнюю минуту в цветочном магазине у станции – не удосужились освежить приглашения, и идет она не на елку, а на обычный четверговый урок, первый после ее (французских) каникул. Идет на урок, а попадет на елку. – И знаешь, Лелик, ничего не говорить, просто ввести. – Или сказать, что нынче занимаемся внизу. – Потому что наверху не топлено. Словом, мадмуазель на елке детям затмевает елку. (Так праведник ждущим ангелам должен застилать небо, на которое вовсе не знает, что попадет.)

– Сейчас, должно быть, будет. Без десяти? О, еще целых десять минут.

– Сейчас должна быть. Который час? Она никогда не опаздывает.

– Может быть, только сегодня приехала и потому запаздывает? А ты точно знаешь (дети друг другу), что именно сегодня первый урок?

– Она сказала 5-го.

– Но 5-ое вчера, почему же она вчера не пришла? Мне она сказала в четверг.

– А мне 5-го. Но четверг сегодня и значит она сейчас придет. Только ее два подарка и остались под елкой.

* * *

Дни шли, мадмуазель не шла. Сначала это тревожило, потом привыкли – к тревоге. Неприход мадмуазель, а не приходила она раз за разом, постепенно становился для всех обитателей павильона, больших и маленьких, припевом дня, то есть вещь с разом от разу утрачиваемым содержанием. (Самостоятельная, вне-смысловая жизнь припева.) Как сначала удивлялись, что мадмуазель не идет, так сейчас бы удивились, что мадмуазель – пришла. Удивление просто переменяло исходную точку на точку приложения. Оттуда удивлялось. (Так, Райнер, мы все удивлялись, как такой может жить, теперь – умереть.)

Люди мало внимательны к глагольным формам, – font du sort sans le savoir[8]. От личных, перво – второ – третье – разовых, числящихся “мадмуазель не пришла” до хронического “мадмуазель не приходит” – какая работа и дорога. Мадмуазель просто поселилась в отсуствии, в которое (для нас) сначала случайно попала. Не было обеда или ужина, чтобы кто-нибудь из больших и маленьких, между тарелкой и тарелкой, тоном отстоявшегося уже удивления, не устанавливал: “А мадмуазель не идет”. – И сразу, точно только того и ждали, по проторенным уже дорогам отзвука, хоровое. Может быть, заболела? Но тогда бы написала. Может быть, сестра заболела? Но тогда бы тоже написала. Может быть, до того одна, что и написать некому? Но тогда ведь и подать некому. Может быть...

Мадмуазель, где-то болевшая, набаливала.

Люди были все трезвые – (бабушка, тетка, дядя и мать мальчика, отец и мать девочки), люди, выдавшие виды – кто в Советской России, кто в Армии, те и другие в эмиграции, люди – и это главное – с той кровоточащей гордостью, по которой и узнают изгнанников, люди, заместившие себя детьми, свое сорвавшееся или надорвавшееся сегодня их – о, каким! – завтра, люди времени (вечного недохвата его) и посему – по всему – нещадные к детскому, люди, взявшие детское время на учет. А это время – кровное, детское – шло, дети, не без некоторого смущения, ибо хорошие дети – праздновались, условно, конечно, – особенно для девочки, нянчившей младшего брата и уроки воспринимавшей, как отдых. Уроки повторялись и вновь забывались, книги выкладывались и вновь вдвигались. Мадмуазель не шла.

Дом как-то расслаб, размяк, никто – в пределах дома – никуда не торопился. – Молоко поставить, потому что сейчас мадмуазель придет... Столовую убрать, потому что сейчас мадмуазель придет... Голову помыть, да вот сейчас мадмуазель придет... За углями в подвал, а то мадмуазель придет...

Павильон был холодный, топленых комнат – две, и мадмуазель, приходами, все перемещала. Раз классная здесь, то столовая там-то, то швейная еще где-то и т. д. Прошло и кочевье.

Постепенно выяснилось, что маленькая, неслышная и невидимая мадмуазель (приходила с черного хода – тихо – и, как часто: “была мадмуазель?” – “да, уже ушла”) – была двигателем и костяком этого большого, усложненного сожителем двух семей, волевого – ибо русского – павильона.

Что же делали эти люди со ставкой на детей? Шестеро взрослых счетом. Ничего никто. – Надо написать мадмуазель. – Сначала утвердительно, потом все вопросительнее и заведомо-несвершимее. Бесплезнее. Безнадежнее. Мадмуазель не уехала, она заехала. Не заехала, а исчезла.

Первой, кажется, сказала мать девочки, но – загадкой. Было так. Мать девочки брала в буфете нож (один из двух) и стояла спиной к тетке мальчика, над большим столовым столом лязгавшей ножницами. Поэтому последующий вопрос пришелся в спину.

– Так никто и не поехал к француженке?

– К француженке ехать – далеко!

– Ей не далеко, а нам – далеко? – в тоне тетки ехидство тетки покрывалось торжеством остроумца.

– Ей не далеко, а нам далеко, – подтвердила мать девочки, холодея от формулы.

Твоя смерть. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

– А все-таки надо бы, следовало бы, – пилила тетка, огорченная непопадением остроты и мало, на мой взгляд, ошеломленная неслыханной (в таком толковании) грубостью ответа.

– А все-таки надо бы, следовало бы...

– Когда-нибудь да... – но эти слова ею не были услышаны, ибо произнесены были во рту.

Так что первой все-таки сказала бабушка.

– Или она очень больна, или ее уже нет, – со спокойной грустью наперед и назад покорного такому – старого человека.

– Но “ее уже нет” все-таки не есть “она”... И первой все-таки сказала мать мальчика, в вечер того же дня, за французским обедом – русским ужином.

– Если она до сих пор молчит, она или очень больна – или она умерла.

И – дом проснулся.

Резонанс смерти, Райнер, думал об этом? В доме, где после долгой, требовательной, с ног сбивающей болезни, наконец, уснул. Теперь бы, кажется, тишине, и когда ж, как не теперь, тишине? Какое! Тут только и начинается!

Дом, где умирает, тих. Дом, где умер, громок. Первый мертвой водой полит по всем закоулкам, спит. Смерть в каждой щели.

В каждой выемке пола – ямкой. Один мертвой – полит, другой – живой – взбрызнут. Слякка с живой водой вдребезги, в каждом осколке, пусть ранищем – жизнь. В доме умирающего не плачут, а плачут – прячут. В доме, где умер, навзрыд. Первый шум – слезный.

Lebenstrieb[9] смерти, Райнер, думал об этом? Тогда с ног сбились, теперь полны руки дела, но из двух, рук и ног, ведь руки тихи, а ноги громки. И что тише – двух рук, с водой, например? Но сама полнота их – как, чем, откуда? Ведь он именно сегодня в 5 ч. вечера вконец обезнужден, “от всякое скорби, гнева и нужды”, – наконец, домолился! Мне ответят (не ты, Райнер, другие): ему – нет, телу его – да. Полно! Разве каждый остающийся в тайне не знает, что священник, гробовщик, фотограф – только повод к нашим чешущимся по делу рукам, наше утвержденное, облагороженное: есмь! наше полное согласие жить. Мы не за умершего, мы за гробовщика цепляемся! В нашей торопливости снять умершего меньше желания сохранить его, чем желания подменить его – живые черты – снимком (живо терзание – воспоминанье о нем), чем уверенности, рано или поздно, забыть. Фотографический оттиск – наша подписка в забвении. Сохранить? Схоронить!

Отмежевыванье. Охаживанье. Что-то поправить, подвинуть. Перекраиванье, заботой, на прежний лад. Дикарство этой заботы. Почти что перед лицом alles geschehen – nichts geschehen[10]. И мои слова к тебе, Райнер, но по-иному. Nichts kann dem geschehen, der geschah. По-русски же; со свершившимся не случается.

Приручение неведомого. Одомашнение смерти, как тогда – любви. Обычное непопадение в тон. Наша, до смертного часа, косолапость в любви.

...Есть этому посмертному взрыву язычества еще одно объяснение, проще. Смерть в доме умирающего, в доме умершего смерти нет. Смерть из дому уходит раньше тела, раньше врача и даже раньше души. Смерть из дому выходит первая. Отсюда, несмотря на горе, вздох облегчения: “наконец-то!” Что? Не человек же, которого любили, – смерть. Отсюда – торжествовать ее уход, у тех, что попроще – тризна: объядение и опивание на поминках (“не ест-не пьет” – так будем же есть и пить!), у нас, позжих, объядение и опивание хочется сказать – воспоминанье, передача и повторение – до отупения – до незвучания – до проторения – последних подробностей. Там заедание, здесь – заговаривание мертвого. Гро-могласие дома после смерти. О нем говорю.

И настоящая первая тишина (это нескончаемое полдневное июльское шмелиное з – з – з – в ушах) раздастся в доме только после выноса. Когда уж не над чем шуметь. Остаются, впрочем, поездки на кладбище.

Твоя смерть. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

А пока мы ходим по дорожкам, читаем надписи, препоручаем сторожу могилу и облюбовываем будущую собственную, смерть, пользуясь отсутствием...

Так прежние домовладельцы, прослышав, что новые на даче, приходят постоять, а то и побродить кругом да около...

* * *

Итак, дом проснулся. Из того, что он явно проснулся, стало ясно, что он спал: бабушкой, дядей, теткой, матерью мальчика, отцом и матерью девочки, самой девочкой, самим мальчиком, в течение целых трех недель всеми своими обитателями спал как заколдованный.

По тому, как дом ожил, стало ясно: она умерла.

– Мама, я нынче пишу француженке.

Письмо

Chere Mademoiselle,

C'est en vain que nous attendons depuis longtemps. Chaque lundi et mercredi, jeudi et samedi nous vous attendons et vous ne venez jamais. Mes leçons sont écrites et apprises, celles d'Olympe aussi. Avez-vous oublié notre invitation pour l'arbre de Noël? Je crois que oui, parce que vous n'êtes pas venue chez nous l'avant-avant dernier jeudi quand nous avions notre fête. J'ai reçu beaucoup de livres: Poèmes de Ronsard, Oeuvre de Marot, Fabliaux, Le Roman du Renard, le Roman de la Rosé, et surtout la Chanson de Roland. Deux cadeaux vous attendent, d'Olympe et de moi.

Ecrivez-nous, chère Mademoiselle, quand vous pourrez venir chez nous. Nous vous embrassons.

Ariane[11].

– В тот вечер она была такая усталая, такая усталая. Все время хотелось сказать ей: “Да зачем Вы все это затеяли? И еще эти танцы... Отпустите нас всех, сядьте в кресло к огню, погрейтесь, отдохните”. Ведь ни за что не хотела отпустить без танцев, книжки с картинками, угощение, танцы, – чтобы уж вся программа. И еще эти дамы в шубах, неизвестно зачем поналезшие, заолодившие ей всю квартиру – уж такую, такую холодную. Вы не знаете, что это был за холод. У нас холодно, но та – ам. Я весь вечер не могла согреться...

Мы медленно подымались по “мраморной полированной”, мать мальчика и я. Лестница медленно подавала нас от площадки к площадке. На самом веру у большой черной двери – встали. Стало ясно, что дальше некуда. Дверей было две – правая и левая. Француженка жила за правой. Помолчав, постучали. Помолчав, постучали еще. Еще помолчали. Еще постучали. Стуки редели, промежутки между стуками росли. Сам же стук оставался на поверхности двери, не проникая по ту сторону ее, или, проникнув, поглощался тем, что за дверью, всей за-дверной пустотой (потусторонностью). Дверь не отвечала. Дверь отмалчивалась.

– Пойдем к консьержке – так ведь час можно простоять – спросим, может быть, – она что-нибудь знает? – не шепотом (как всякая странность – будит), а тем положенным вполголоса, каким спокойно говорят над спящими и другими.

– А может быть, сюда постучать? Левая сразу отозвалась, подалась, выявляя сначала керосиновую лампу, потом пожилое лицо женщины.

– Простите, сударыня, но не знаете ли Вы чего-нибудь о Mlle Jeanne Robert? Мы стучали, но там не отвечают. Очевидно, никого нет. Наши дети у нее учатся.

– Входите, входите, я так рада поговорить о ней. Двадцать восемь лет соседства.

Лампа отступила и, повернувшись вокруг самой себя, повела. Лампа, долженствующая es an den Tag bringen[12]. Старая женщина и мы, две, следовали.

– Да сядьте, сядьте, пожалуйста. Я не совсем понимаю, вы говорите – ваши дети?..

Твоя смерть. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

– Да, наши дети у нее учатся. Мы иностранки. Наши дети у нее учатся французскому и всему. Мы живем в Bellevue.

– Аи, вот оно что. Je sais qu'elle prenait toujours le petit tram de Meudon[13]. Значит – к вам ездила? Чудесное место – Bellevue, мы там бываем каждое воскресенье.

– Да. И вот уже месяц, как мы ничего о ней не знаем. Она должна была быть на нашей русской елке, потому что наша русская елка после вашей. Тринадцать дней разницы... Были приготовлены подарки... – точно заклиная и забывая неведомое – достоверностями.

– Так она была приглашена на вашу елку? Как это мило с вашей стороны.

– Да, и не приехала, и мы ждем ее уже две недели. Моя дочь ей писала (совершенно упуская из виду, что письмо, написанное нынче утром, ни в каком, даже самом живом случае, не могло рассчитывать на ответ, – так это утром отстояло от сейчас) – моя дочь ей писала и не получила ответа. Что с ней, собственно?

– Mais elle est morte! – Et vous ne l'avez pas su??[14]

* * *

– 23-ro, l'avant-veille de Noël. Накануне она так много бегала, вверх и вниз, rien que son petit chvle sur les йрауles. «Mais vous allez prendre froid, Jeanne voyons!» et je lui tirais les manches sur les mains[15]. Все что-то покупала. На другой день ведь она должна была ехать к сестрам.

– Но накануне, 22-го, наши дети и вот эта дама, мать мальчика, были у нее в гостях. Да, да, именно 22-го. Она пригласила всех учеников, танцевала...

– Я об этом ничего не знала. Когда, в котором часу?

– Около четырех, а ушли около семи. Была очень оживлена. Ни за что не хотела отпустить без танцев. На другой день? Ничего не понимаю.

– Да, 23-го утром. От грыжи, – такая злокачественная опухоль. Ведь она никогда не хотела носить бандажа, потому что нужен был бы врач, а она – вы меня понимаете – не хотела. Давнишняя грыжа. Так вы, идя сюда, ничего не знали? Простите тогда – de vous l'avoir annoncé si brutalement[16].

– Так уже месяц, как она умерла?

– Месяц. Как раз сегодня. Вы говорите – она танцевала? Но, может быть, именно это-то ей и повредило. Танцы – при грыже – без бандажа...

– Но как же она умерла? Был кто-нибудь с ней?

– Никого, совсем одна. В третьем часу к ней зашла кузина – она иногда помогала ей dans son petit ménage[17], и Жанна накануне передала ей ключ – постучала, никто не ответил, вошла, увидела. Поперек кровати, совсем одетая, в шляпе и в перчатках, очевидно, готовая идти на урок – у нее ведь еще один урок был до отъезда, последний – Cette pauvre Jeanne! 64 года – ce n'est pourtant pas vieux. 28 лет соседства. On était amis, on se disait Jeanne, Suzanne[18]... И все эти несчастья!.. Вы, может быть, знаете? Сестра ее...

– Нервно-больная?

– Да, и это так сразу случилось, никто не ждал. И Жанне пришлось – une fille si intelligente, si courageuse – зарабатывать не только на двоих, – на троих, потому что третья сестра с той, больной, в деревне – c'et elle qui la garde, – а что в деревне заработаешь, особенно художнице, потому что третья сестра – художница, хорошая художница. Cela a été le grand coup de sa vie. Elle aurait pu se marier, ktre heureuse, mais...[19]

Но все же были и у нас... on a eu de beaux jours ensemble! On faisait la fête[20]. Мой муж и зять музыканты, Жанна тоже музыкантша. Вы ведь видели два рояля в ее комнате? Один для нее, другой для учеников. Она ведь, собственно,

Твоя смерть. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
учительница музыки. И вот, устраивались музыкальные вечера, Жанна – рояль, муж – скрипку, зять – на флейте. Между прочим, нет ли у вас знакомых, желающих учиться музыке? Я, на всякий случай, передам Вам карточку.

Такой-то

– Violon et flyte –

Professeur a l'Opéra[21]

* * *

Mlle Jeanne Robert, ездившая к русской девочке Але, не спрашивая, на Вилетт или в Беллеву, Mlle Jeanne Robert, не зная ни грязи, ни дождя, Mlle Jeanne Robert, бравшая за часовой урок, длившийся два, в 1926 г., как в 1925 г., – 7 фр., считаясь не с “падением франка”, а с его, франка, на нас, intelligence russe[22], падением, Mlle Jeanne Robert, от ежемесячного конверта с деньгами – отшатывавшаяся: “Может быть, Вам сейчас нужно?” – и:

“Cela ne presse pas”[23]... Mlle Jeanne Robert, ездившая не поездом, а трамваем, и не до Беллеву, а до Медона, для того, чтобы нам, intelligence russe, сберечь четыре раза в неделю по 1 фр. 60 с., Mlle Jeanne Robert, при виде чашки кофе, с куском хлеба – пугавшаяся: “О, зачем? зачем?” и неизменно эту чашку выпивавшая, хлеб же, по нищенскому кодексу чести – оставлявшая, Mlle Jeanne Robert, певшая годовалому сыну эмигранта:

“V siélé novom Vanka jyl”... –

чтобы не забывал России, и ведшая имя Мур от Amour. Mlle Jeanne Robert, в прошлом году на мой русский вечер не только пришедшая, но пришедшая на него первая –

“Un moment j'ai cru entendre une marche. Etait-ce peut-être une poésie sur la guerre? On croyait entendre marcher les troupes, sonner les trompettes, galoper les chevaux... – C'est que je suis musicienne, moi... C'ytait beau, beau!”[24]

Mlle Jeanne Robert, впервые перепутавшая день урока: одному в среду (5-го), другому 6-го (в четверг),

Mlle Jeanne Robert, так и не дождавшаяся новых перчаток – Райнер-Мария Рильке, доволен – Жанною Робер?

* * *

И, обращая к тебе слова, когда-то направленные тобою к другому –

denn Dir liegt nichts an den Fragenden,

sanften Gesichtes

siehst Du den Tragenden zu[25].

* * *

P. S. Случайно узнала, что последняя книга, тобою читанная, называлась L'Аme et la Danse[26].

То есть, вся последняя Jeanne Robert.

Ваня

Умер русский мальчик Ваня. Впервые об этом мальчике я услышала этим летом, у моря, от его сестры. Я сидела на песке и играла со своим полуторогодовалым сыном. – А у меня есть брат, – неожиданно сказала моя знакомая, – почти такого же развития, как Ваш сын. Папа, мама, дядя, спасибо, пожалуйста... – Сколько лет? – Тринадцать. – Недоразвитый? – Да, и очень хороший мальчик, очень добрый. Ваня – зовут.

– Хорошее имя, самое русское и самое редкое, сейчас никто так не зовет, – сказала я, ограничивая отзыв именем.

Вторично о Ване я услышала от близкого мне лица, с сестрой Вани зашедшего в тот

Твоя смерть. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
вечер к Ваниной матери.

– Я, когда шел, побаивался: как с таким обращаться? Играть? Странно как-то, что-то от ложного положения. Но он меня сразу успокоил: как только увидел – заулыбался, обрадовался: “Дядя, дядя!”

– А роста?

– Роста большого, как нужно. И совсем уж не так ничего не соображает, как я боялся. Няня стала собирать ужинать. “Ванечка, накрой на стол”, – и накрыл, только тарелки перепутал, маленькие вместо больших. А няня, с укором: “Да что с тобой, Ванечка? Нешто эти тарелки? Ты сумасшедший, что ли”? Няня замечательная, всю жизнь ему отдала. Так и живут, мать, няня, он. Им живут.

Разговариваю о чем-то с его матерью, вдруг: “Дядя! дядя!” – оглядываюсь: зашел потихоньку сзади и глядит. И такая добрая, добрая улыбка. Я прекрасно понимаю, что он может быть радостью. От него, действительно, свет.

Прошел какой-то срок. И вот, в какой-то день, прошел слух, что Ваня заболел. Воспалением легких.

Слух поселился. Из Медона дуло. Дуновение шло из красного кирпичного дома, который я неопределенно знала, как Ванин. Шло по двум направлениям – к сестре, в Кламар, ко мне, в Беллеву. Болезнь осела. Ваня, прикованный к постели, путешествовал.

Дни шли. Из Медона продолжало дуть. Вскоре болезнь невиданного Вани сделалась привычной, полагающейся, в порядке – нарушающих порядок – вещей.

– Как ваш брат?

– Да плох, температура держится, все время на камфаре... Камфару я знала по последним минутам отца и для меня она называлась – смерть.

– Посидите еще...

– Да нет, нужно к маме, брат очень плох. О матери и няне я думала не с состраданием, замещающим, а с страданием, незаместимым. Но думала отрывочно.

Поглощенная твоей смертью, Райнер, то есть приобщая к ней все, мною до сих пор претерпенные: гордую смерть матери, высокоумилительную отца, другие, многие, разные, – приобщая или противопоставляя? – я, естественно, насторожилась в сторону Ваниной камфары.

Две комнаты с кухней. Кроватка. (Пусть большая, но раз “дядя” – все маленькая!) Упорядоченное, бытовой заботой и церковностью, отчаяние няни. (Какое – матери?!) Ужас того, что это Медон, а не Москва (в Москве бы...). Ужас недозволенных, произвольных мыслей о чужбинном кладбище... Завезли в Медон... Если бы не Медон... Если бы в тот день не взяли его в лавку... Если бы...

– Как брат?..

– Кроткий, хороший, лежит в кроватке совсем как маленький, – такой трогательный...

Последнее, что я знаю из жизни Вани – что он ел икру.

– А я сегодня ела икру. Брату давали, он не доел, я доела. Ничего не хотел есть, а икра вдруг понравилась... Мы все так обрадовались...

Икра мне напомнила предсмертное материнское шампанское, – ничего не хотела, шампанскому обрадовалась. Икра тоже называлась смерть.

– Завтра будете там-то?

– Да, не знаю, если не останусь с мамой. Брат очень плох, можно ждать всего...

Дня через два после икры, одна из обитательниц нашего павильона, входя с улицы:

– Все-таки умер г<уч>ковский мальчик.

* * *

“Две комнаты с кухней”. Кроватки не видно, ничего не видно, кроме спин. Панихида идет без света. Стою на пороге прихожей и первой комнаты. Гроб точно за тысячу верст, недосягаем.

Звонки, все новые и новые провожатые.

Выход священника, создающего вокруг себя пустоту. Ту священническую, священную. Круг пустоты, создаваемый нечеловеческим. Передвигающийся круг. Никому не было места, стало – всем. Растяжимость сосуда или сжимаемость содержания? Отказ от насущного во имя того, излишка. Отказ от себя и всех во имя того, одного. И всем просторно. Только отказаться – всего много станет.

– Так я вам советую таких-то певчих... (говорит – священник).

– А почему не?..

– Лучше таких-то...

– Что, поют лучше?

В вопрошающем голосе настойчивость, которой страшусь, ибо не хочу слышать ответа.

– ...А я, наоборот, слышала, что эти лучше...

– Поят-то хорошо, да... (Вот! Вот оно!)... Неприступны очень, а эти...

Целуюсь в полутьме с проходящими матерью и няней.

– Вы, ведь, пешком пришли? Устали? Посидите...

Без слез, с добротой.

(О русская прекрасная степенность горя!)

Почему не подошла? Ложный стыд, ложный страх слез над впервые видимым. Страх стыда и стыд этого страха. Хочется, чтобы все ушли, чтобы тут же, над ним, рассказать им двум о тебе, Райнер, о всем, что знаю через тебя. Знаю, что в эту минуту я, оставшаяся, им, остающимся, незаменима. Что место мое – незаместимо. И малодушно, как по-писаному, простившись, выхожу.

* * *

– Милый Ваня!

– так звучит не слышимое, а оглашаемое, так когда-то, на мое внутри-ротное, внутреннее: “Седое утро” – блоковское: “Седое утро” –

– Милый Ваня!

Если бы ты сейчас мог увидеть нас всех здесь собравшихся, весь этот переполненный храм, ты бы, наверное, спросил: “Какой сегодня праздник?” и мы бы ответили: “Твой, Ваня, праздник. Тебя празднуем”.

Да, Ваня, ради тебя собрались мы сегодня в этом храме, в котором ты занимал самое скромное место. Твое место в нем сегодня главное. Как сейчас вижу тебя – вот здесь, слева, в уголку – твое скромное место было постоянным. Вижу тебя молящимся и крестящимся, вижу твое светлое лицо, с улыбкой... Ты был постоянным и верным посетителем храма, я не помню службы, на которой бы я бы тебя не видела. Правда, ты не всегда молился словами молитв, иногда ты забывал их, тогда ты молился своими словами, одним только словом: Боженька! Боженька!

И как ты любил этого Боженьку, как в него верил!

Когда тебе стало худо, ты попросил меня прийти. Мне сказали, что в дом я пришел

Твоя смерть. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru по твоему собственному зову. И вот, никогда не забуду, как ты, перед тем, как приступить к исповеди, чуть приподнявшись, слабой рукой своей подал знак, чтобы все присутствующие удалились. Вокруг тебя были только близкие – и какие уж такие были твои грехи? Но ты знал, что таинство исповеди происходит наедине, и чутким сердцем своим и здесь оказался верным сыном церкви. Немного ты мне и сказал, зато, по отпущении грехов, с каким счастьем, с каким сиянием на лице снова поднял руку, на этот раз призывая близких в комнату.

Милый Ваня, если бы ты сейчас со своей высоты мог видеть – да ты и видишь со своей высоты – нас всех, окруживших твой маленький гроб – видя наши слезы, наше горе, что бы ты, Ваня, сказал нам, захотел ли бы снова вернуться сюда? Нет, Ваня, ни ты, никто из узревших ту красоту уже не захочет на землю, и единственные слова, которые бы ты сказал нам, были бы словами благодарности. Благодарности родителям, окружившим тебя такую любовью, и особенной же – няне, с которой ты, так сказать, составлял одно целое:

– Спасибо тебе, скорбная старица-няня.

.....
Помолись за нас.

* * *

Мать стояла в головах и – или чудится мне? – каждый раз приоткрывала лицо сына, что-то над ним приподымала, затем опускавшееся. Каждому заново. Зачем? Не проще ли...

Дело не в простоте, дело в том, что мать, явившая в мир – всем, в последний раз являла – каждому отдельно. После:

“глядите, еще не видели” рождения – “глядите, больше не увидите” погребения. Явив, скрывала (лицо в себе), вновь явив, вновь скрывала – все глубже и глубже – пока не скрыла, от всех, под крышкой гроба, пока не скрыла – от всей земли – в земле.

Мать брала сына обратно в лоно.

Была в этом жесте еще и простая материнская причастность.

* * *

Другое. Не плоть, не камень, не воск, не металл – другое. Из всего виданного – невиданное. Лица, которое передо мной, никогда не было. То, что здесь есть, не бывает. Из другого вещества.

Отличительные черты: неуподобляемость и невозможность привыкнуть. Не оторваться. Не притерпеться. Чисто внешняя (оттуда и смысловая) непроницаемость. Неделимость. Неразложимость. Ножом не разрежешь, топором не разрубишь. Лицо мертвого не слепок, а слиток.

Все концы со всеми концами сошлись. Средоточие.

Раз навсегда.

Ближе всего, конечно, воск, но куда – воску.

Что в ответ на здесь лежащее? Отказ.

* * *

Гляжу на руку и знаю – не поднять. Сколько жизнь весит – мы знаем, но это не жизнь, а смерть. Рука не свинцом налита, а смертью. Чистый вес смерти. Всей смерти в каждом пальце. Нужно поднять всю смерть. Потому и не поднять.

Это – глазами, под губами же:

Первое: не процелуешься. Не губы (жизнь) в лоб (смерть), а лоб (смерть) в губы (жизнь). Не я горячу, он холодит. Непроницаемость? Теплоупорность. Теплоупорность? Хладоизлучение. Буду стоять и греть, а он лежать и холодить. Такого холода в природе нет. В иной природе.

Твоя смерть. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Прогреваемы: металл, воск, камень, все. Все отзывается.

Теплеет.

Лоб – отказывает.

* * *

Ваня Г<учко>в – восстанавливаю обратно в жизнь.

Первое: узость. Узкие скулы, узкие губы, узкие плечи, узкие руки. От того, что узко – не тесно. От того, что не тесно – радостно.

Светлота волос на лбу и, минуя все присущее не сущему – нежное, строгое отроческое лицо, которое в данную минуту читаю вспять: в жизнь.

* * *

Вот и все, Райнер. Что же о твоей смерти?

На это скажу тебе (себе), что ее в моей жизни вовсе не было, ибо в моей жизни, Райнер, вопреки Савоие, L'Auberge des Trois Rois и пр., и тебя не было. Было: будет, оно пребыло. – Ob ich an die Savoye glaub? Ja, wie an Himmelreich, nicht minder, doch nicht anders[27]. Это-то ты, наверное, помнишь?

Еще скажу тебе, что ни одной секунды не ощутила тебя мертвым – себя живой. (Ни одной секунды не ощутила тебя секундно.) Если ты мертвый – я тоже мертвая, если я живая – ты тоже живой, – и не все ли равно, как это называется!

Но еще одно скажу тебе, Райнер, – тебя не только в моей жизни, тебя вообще в жизни не было. Да, Райнер, несмотря на тебя и жизнь: тебя – книги, тебя – страны, тебя – местную пустоту во всех точках земного шара, всеместное твое отсутствие, полкарты пустующие тобой – тебя в жизни никогда не было.

Было – и это в моих устах величайший titre de noblesse[28] (не тебе говорю, всем) – призрак, то есть величайшее снисхождение души к глазам (нашей жажде яви). Длительный, непрерывный, терпеливый призрак, дававший нам, живым, жизнь и кровь. Мы хотели тебя видеть – и видели. Мы хотели твоих книг – ты писал их. Мы хотели тебя – ты был. Он, я, другой, все мы, вся земля, все наше смутное время, которому ты был необходим. “В дни Рильке”...

Духовидец? Нет. Ты сам был дух. Духовидцами были мы.

Если бы ты вошел в мою комнату год назад, я бы так же обмерла, как если бы вошел – нынче, больше скажу, нынче – меньше, чем год назад, потому что такой твой вход был бы... естественнее.

Три стены, потолок и пол, –
Все, как будто?

Теперь – являйся!

Это я тебе еще летом писала. Не от лица ли всех? Волей нашей, то есть всем трагическим недостатком ее, всем безволием, всей мольбой о всей твоей, заклини мы тебя на землю – и продержали на ней – до поры.

Ты был волей и совестью нашего времени, его – вопреки Эдисону, Ленину, пр., от Эдисона, Ленина, пр. – единственным вождем. Не ответственным монархом, а монархом ответственности. (Так мы (время) когда-то передали себя, все свои вопросы, Гёте, сделали его – хотел или не хотел – своим ответом. Тебя – ответственностью. Потому и отдали: Гёте – свет, ты – кровь.)

“Und Körper nur noch aus Galanterie, um das Unsichtbare nicht zu erschrecken” [29] – так сказал ты о последних годах (оказалось – днях) своего тела. Больного или не больного – чьи это слова? не человека же!

Вспомни своего Мальте, как все, те, по всем улицам Парижа за ним ходили, почти что шлялись, вымаливая у него не все, а всего его. Так и мы за тобой – до поры. Вспомни Мальте, передававшего через стену, соседу, волю, соседу, которого в глаза не видал. Сосед ведь тоже не просил. Но Мальте-то вопль – слышал!

Твоя смерть. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
“Wer ist dein Nächster? Der dich am nothwendigsten braucht?”[30] – толкование ближнего на протестантском уроке Закона Божьего, пребывшее для меня предельным.

Мы все были твои ближние.

Признаньями, исповедями, покаяниями, вопросами, чаяньями, припаденьями, приниканьями мы тебя залюбили – до язв на руках. Через них ушла вся кровь.

Кровь. Слово сказано.

Твоя Blützersetzung (разложение крови) – которую я сначала не поняла – как! он, впервые после Ветхого Завета сказавший кровь, так сказавший кровь, просто – сказавший кровь! – не статья и доказывать не стану – именно он от Blützersetzung – разложения, обнищания ее. Какая ирония! Не ирония вовсе, а моя первая, сгоряча, недалёковидность.

Истек хорошей кровью для спасения нашей, дурной. Просто – перелил в нас свою кровь.

Остановка.

Знаю, что медицинская болезнь, от которой ты умер, лечится переливанием крови, то есть близкое лицо, хотящее спасти, отдает свою. Тогда болезнь – кончается. Твоя болезнь – началась с переливания крови – твоей – в всех нас. Больным был мир, близким лицом его – ты. Что когда спасет перелившего!

Поэзия ни при чем. “Только лишняя порча крови”, “что зря кровь портить”, – так говорит быт. Предел этого “зря” и “лишнего” – окончательная порча крови, то есть смерть. Твоя смерть.

Не прощая жизни оскорбительной приблизительности даты ее – 29-го декабря вместо 31-го, кануна, да еще твоего любимого тысяча девятьсот двадцать седьмого, благодарю ее, жизнь, за точность формы и наименования...

Райнер Мария Рильке, и это подтвердит каждый врач, умер от разложения крови.

– Перелив свою. –

* * *

И все-таки, Райнер, несмотря на великолепие твоей смерти, твоими справа- и слева-кочными соседями во мне есть и пребудут:

Mlle Jeanne Robert, учительница французского языка,

и Ваня Г<учко>в, кем-то обиженный русский мальчик,

и – отменяя фамилии и даже первые буквы их – просто

Жанна – (вся та Франция)

и

Ваня – (вся Россия).

Ни имен, предельных, ни соседств, совершенных, я не выбирала.

* * *

Райнер Мария Рильке, покоящийся на скале Rarogne

над Роной – без соседей –

во мне, его русской любящей, покоится:

между Жанной и Ваней – Иоанной и Иоанном.

Bellevue, 27 февраля 1927

Примечания

Твоя смерть. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

1

Мадемуазель Жанна Робер (фр.).

2

“четыре сына Эймора” (фр.).

3

Кусок сала... кусок мяса (фр.).

4

Очень изящное, безукоризненно изящное, все самое изысканное, что ни на есть самое изысканное... 6 франков, 9 франков пятьдесят... 12 франков пятьдесят... 18 франков... (фр.).

5

А, есть еще одна, которую я забыла (фр.).

6

Ничего нет удобнее и изящнее. И совсем не дорого, мадам, сорок листов и сорок конвертов. Хорошо и выгодно (фр.).

7

Мадемуазель Жанне Робер в день русского Рождества – Ариадна (фр.).

8

Делают, не ведая того, ошибки такого сорта (фр.).

9

Жизненный инстинкт (нем.).

10

Все случилось – ничего не случилось (нем.).

11

Дорогая мадмуазель,

Мы напрасно ждем вас так долго. Каждый понедельник и каждую среду, четверг и субботу мы ждем вас, но вы все не приходите.

Мои уроки написаны и выучены, уроки Олега – тоже. Вы забыли наше приглашение на Рождественскую елку? Я думаю, что да, потому что вы не пришли к нам в поза-позапрошлый четверг, когда у нас был праздник. Я получила много книг: Поэмы Ронсара, сочинения Маро, фавлио, роман о Лисе, роман о Розе и еще Песнь о Роланде. Вас ждут два подарка, от Олега и от меня.

Пишите нам, дорогая мадмуазель, когда вы сможете приехать к нам. Целуем вас.

Ариадна (фр.).

12

Пролить свет на это (нем.).

13

Я знаю, что она всегда ездит на маленьком медонском трамвайчике (фр.).

Твоя смерть. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

14
Но она умерла! – И вы не знали этого?? (фр.).

15
За два дня до Рождества... на плечах только маленькая шаль. “Но вы простудитесь, Жанна!” – и я натягивала рукава ей на руки... (фр.).

16
Что я сообщила вам об этом так грубо (фр.).

17
В ее маленьком хозяйстве (фр.).

18
Бедная Жанна!.. совсем не старая... Были друзья, называли друг друга Жанна, Сюзанна... (фр.)

19
Девушке такой умной, такой мужественной – ...это она за ней присматривает... Это было большим ударом в ее жизни. Она могла выйти замуж, быть счастливой... но... (фр.).

20
Прекрасные дни вместе! Это был праздник (фр.).

21
Скрипка и флейта – Профессор Оперб (фр.).

22
Русских интеллигентов (фр.).

23
Это не к спеху (фр.).

24
Один момент мне послышался марш. Может быть, это была поэзия войны? Послышалось, что идут войска, звучат трубы, скачут кони... Это потому, что я музыкант. Это было прекрасно, прекрасно! (фр.).

25
Ведь тебе до вопрошающих нет дела, мягким взором глядишь ты на обремененных (нем.).

26
Душа и танец (фр.).

27
Верю ли я в Савойю? Да, как в царство небесное, не меньше, но не иначе (нем.).

28
Титул благодарности (фр.)

29

Твоя смерть. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
И тело – всего лишь из галантности, чтобы не испугать невидимое (нем.)

30 Кто твой ближний? кому ты нужнее всего? (нем.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!